

© Вьюшкова И.Г., 2017

Вьюшкова Ирина Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского
государственного университета
(Ишим, Россия)
E-mail: wjuschkowa@rambler.ru

Vyushkova Irina Gennadyevna

PhD (Philology), Associate Professor,
P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute,
Tyumen State University Branch
(Ishim, Russia)
E-mail: wjuschkowa@rambler.ru

**ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА
В ПОЭЗИИ
Я.П. ПОЛОНСКОГО**

**THE IMAGE OF ST. PETERSBURG
IN THE POETRY
OF YA. P. POLONSKY**

Аннотация. В статье выявляются особенности поэтики художественного образа Петербурга, воссозданного в поэтическом творчестве известным русским литератором XIX века Я.П. Полонским, обнаруживаются сходства и преемственные связи, позволяющие говорить об оригинальности изображения города на Неве; определяется авторское отношение художника к «северной столице». Обращаясь к характеристике Петербурга на протяжении всего творческого пути, Полонский тем самым демонстрирует особую значимость этого города в своей многострадальной жизни. Взгляд Полонского-художника вписывается в обширный контекст «петербургского текста русской литературы», введение же писателем онейропоэтических элементов в тексты, где центральным образом является Петербург, позволяет говорить об уникальности поэтики Я.П. Полонского и его творческой индивидуальности.

Ключевые слова. Санкт-Петербург, образ, художественный образ, творческая индивидуальность, «петербургский текст русской литературы».

Abstract. The article reveals the peculiarities of the poetics of the artistic image of St. Petersburg, recreated in the poetic works of the famous Russian writer of XIX century Ya.P. Polonsky, the author highlights similarities and continuity which let conclude about the originality of the image of the city on the Neva river; the author's attitude to the "Northern capital" is also determined. Turning to the characteristics of St. Petersburg throughout the creative journey, Polonsky thus demonstrates the special importance of this city in his distressful life. Polonsky vision fits into the broad context of the "Petersburg text in Russian literature". Introduction of neuropaediatric elements into the texts where Petersburg is the Central image, makes it possible to state the idea about the uniqueness of the poetics of Y. P. Polonsky and his artistic personality.

Key words. Saint Petersburg, image, artistic image, creative personality, "Petersburg text in Russian literature".

Введение

Санкт-Петербург – удивительный город, с историей которого связана жизнь многих известных личностей-художников: В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, В.Д. Поленова, В.А. Серова, В.И. Сурикова и др.; архитекторов: В.И. Баженова, А.Н. Воронихина, М.Г. Земцова и др.; писателей: Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, М.М. Зощенко, М.В. Ломоносова, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина и др. Благодаря социальным и личным обстоятельствам у каждого из перечисленных мастеров сформировалось свое видение Петербурга и неоднозначное отношение к нему [6]–[8], что в ком-

плексе способствовало появлению в русской литературе такого феномена как «петербургский текст» [1], [11].

Основная часть

Большая часть жизни с этим городом связана и у писателя XIX века Я.П. Полонского, пребывание которого в Петербурге датируется второй половиной XIX века: с 1855 по 1898 гг. (год смерти) за исключением поездки за границу в 1857 году. В 1860 г. поэт получил должность секретаря комитета иностранной цензуры, где и прослужил до конца своих дней. В связи с этим актуальной становится проблема исследования особенностей художественного образа Петербурга в поэтическом творчестве Полонского; определение проблемы традиционности / новаторства Полонского-поэта, проявившейся при создании образа Петербурга. Материалом для исследования послужили художественные тексты «Белая ночь», «Миазм», «Труженица», «Зимой, в карете», в которых местом действия становится Петербург. Цель работы – выявить авторское отношение поэта Полонского к городу, в котором он прожил 44 года.

В стихотворении «Белая ночь» (1862) [9, с. 107], имеющем открытый финал, отчетливо и последовательно выражена позиция автора, раскрывающая его отношение к городу и деятельности его основателя. Открывается стихотворение пейзажной зарисовкой, где с помощью приема олицетворения природное явление (белая ночь) подается как смерть, которой подвластно все, при этом даже золотой купол Исаакия сравнивается с венцом мертвеца перед лампадой. Кульминацией стихотворения являются риторические вопросы, обращенные к некоему неведомому товарищу, сопровождающему лирического героя на прогулке по ночному городу: *«Скажи, куда идти за счастьем, за отрадой, / Скажи, на что ты зол, товарищ бедный мой?!»* [9, с. 107]. В этих вопросах содержится желание получить ответ на то, как обрести счастье, где его найти? Может быть, отсутствие одного и отрады связано с озлоблением? То есть человек сам является причиной своих несчастий. Не получив ответа, взгляд лирического героя продолжает скользить, и в поле его зрения попадает монумент «Медный всадник»: «Вот – темный монумент вознесся над гранитом...», символизирующий деяния Петра I (ср. с описанием Пушкина «Медный всадник» [10]). При этом слово автора обрывается, перескакивая к размышлению о тщетности выражения человеческой мысли. В целом, заключительная часть сохраняет ощущение безысходности, переводя размышления автора в иносказательный план: мысль стесненная не может найти ответа, как не было спасения врагам от деяний и побед Петра I. Следовательно, можно предположить, что для Полонского становится очевидным тот факт, что любой человек, единожды связавший себя с этим городом, никогда не сможет вырваться из его плена. Четкой и однозначной оценки деяний Петра I – основателя города в стихотворении не дается, так как финал открыт. Однако уже то, что временной отрезок «белые ночи» в стихотворении Я.П. Полонского подается не как время встреч, любовных свиданий (ср. Ф.М. Достоевский [5]), а, напротив – символизирует **отсутствие счастья, отрады, наличие невольного озлобления**, позволяя утверждать, что причиной подобных состояний является атмосфера Санкт-Петербурга – города смерти, основателем которого явился Петр I.

В стихотворении «Миазм» (1868) [9, с. 126–129] также воссоздан образ северной столицы, для конкретизации которого Полонский вводит топонимические названия рек – Мойки и Невы, упоминание имени Петра Великого, по указу которого был заложен Петербург. Основу рассказа об истории одного богатого дома составляет трагедия потери матерью маленького сына-наследника [2]. «Ребенок здесь – центральный персонаж, хотя и не появляющийся перед читателем, – его сюжетная роль ис-

черпывается болезнью и смертью «за кадром». Важно, что эта смерть — не месть «мужичонки», а предопределенная судьба младенца, рожденного в «нездоровом», проклятом месте» [7]. Через тему материнства, идею горечи утраты матерью своего сына Полонский раскрывает тему скорби и боли от утраты тысячами матерей и жен своих родных и любимых. Таким образом, название стихотворения, проясненное художественным текстом, позволяет утверждать о негативном восприятии автором Петербурга, так как, по мысли Полонского, в городе, построенном на костях (функционально значимым для пояснения этого является видение богатой барыне «мужика косматого, точно из берлоги»), не может быть счастья и радости. Об этом свидетельствует и пустота дома, покинутого богатой дамой, и слезы дождя. Оригинальная метафора «Да в окошках темных по ночам слезится / Отраженье звезд» подчеркивает тоску и грусть автора.

В стихотворении «**Труженица**» (1875–1880) с реалистической точностью (близкой к «натуральной школе») на основе воспоминаний лирического героя (столичного жителя) описана история деревенской девушки, приехавшей в северную столицу: поиски ею работы, болезнь, смерть любимого от непосильного труда и т.д. [3]. Портрет девушки, намеченный штрихами, впечатление от первой встречи с Петербургом также представлено в ретроспективном воспоминании лирического героя, для которого вполне приемлемыми оказываются и городская суэта, и громадные строения, и стук omnibusов, и пыльный шум длинных улиц и т.д., в то время как для деревенской девушки все увиденное было новым и непривычным, рождая переживания, сохраненные в памяти лирического героя сквозь годы: «скрывая боль в груди», «истомлена», «одолевала ...сон», «тревога», «радостный испуг», «волнение», «целомудренная смелость», «полна возвышенной мечты», «невольный страх», «кружилась голова» и т.п. Полонский показывает ходом дальнейшего повествования эволюцию взглядов героини и изменение ее отношения к Петербургу: от гордости, веры в то, что «жизнь и труд для всех рай Божий создадут» до утраты надежды на счастье. Понять это отчасти помогает мотив сна, введенный Полонским в сюжет стихотворения и представленный лексемой «грёза» в значении «мечта». В окружении эпитетов «тяжелых, страшных» грезы приобретают зловещий характер, указывая на то, что жизнь в столице, казавшаяся героине мечтой, на самом деле, обернулась для нее мучительной жизнью, полной лишений. В данном контексте сон выступает сюжетной характеристикой трудной судьбы героини, усиливая драматизм ситуации. Произведение своей незавершенностью демонстрирует трагизм дальнейшей судьбы молодой женщины, оставшейся одной без кормильца, без друга, без средств к существованию.

Таким образом, и в этом произведении Полонский сознательно, поведав нам об эпизоде из столичной жизни девушки, имени которой мы даже не знаем, показывает разрушительное и губительное влияние Петербурга на жизнь человека, желание обрести счастье и невозможность этого. Единственный исход — смерть, как это мы наблюдаем в случае с возлюбленным героини, но и он овеян ореолом скорби и горя.

Уже на склоне лет в поэтическом творчестве Полонского в стихотворении «**Зимой, в карете**» (1889) [9, с. 205–206] вновь возникает образ северной столицы. Обратившись к жанру «дорожной думы», специфика которой особенно заметна в контексте пушкинской поэзии — стихотворений «Бесы» и «Зимняя дорога», где, с одной стороны, картины пугающих бесовских плясок вырастают непосредственно из реальных впечатлений героя-путешественника (явь и сон не противопоставлены); с другой стороны, там, где появляется сон-грёза о будущем (завтрашнем приезде домой), он идиллический, предсказывая счастье встречи с «милой» и домашний покой. Полонский же усложняет ситуацию, противопоставляя сон яви, акцентируя неодно-

значность будущего, драматизируя сюжет (что говорит об оригинальном подходе и новаторстве Полонского-художника). Кроме того, восприятие лирическим героем столицы перекликается с образом Петербурга, созданным, правда, в прозе Н.В. Гоголем, который ряд повестей объединил в единый цикл «Петербургские повести», изобразив в ряде ситуаций разные грани Петербурга и его обывателей. Сошлемся на повесть «Невский проспект», открывающую цикл, в которой на примере двух историй – Пирогова и Пискарева – показана изнанка «прелестей» столичной жизни, приводящая обоих героев к печальному итогу. Если в экспозиции повести Гоголь заявляет: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы! /.../ Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. /.../ Всемогущий Невский проспект!»; то в финале, подводя итог, автор восклицает: «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! /.../ Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде» [4].

Ощущение призрачности столицы в восприятии героя стихотворения Полонского свидетельствует о его постепенном погружении в сон. Причем пересказ сновидения и введения образа Весны свидетельствует и о предвосхищении модернистской поэтики. Образ приближается к символическому, одновременно приобретая зримые черты. Ощущение соприсутствия Весны составляет фантастический план стихотворения: во сне герой переживает ощущение теплоты, счастья, благоуханья. Но пробуждение возвращает героя к бытовой реальности дорожного путешествия (как и в «Зимнем пути»). Он осознает, что его сон – это только мечты, связанные с желанием любви, тепла. Невольным свидетелем мечтаний героя является Мороз-художник, преобразивший переживания героя «в кристаллы, звезды и цветы» [9, с. 206]. Эти образы подчеркивают призрачность мечтаний лирического героя. Он сам определяет их как «слепые мечты». Это метафорическое словосочетание можно спроецировать на реальность: не имея возможности наблюдать за происходящим за окнами кареты (ледяной узор на окнах мешает), герой начинает засыпать, при этом его мечты трансформируются в сон, где и оказывается возможным их осуществление. Вне сна же мечты лирического героя не имеют продолжения. Финал стихотворения можно понимать двояко: как достижение дома, «гостеприимного крыльца» – либо как окончание жизненного пути (тогда тепло и уют для героя связаны с переходом в мир Вечности, где он найдет долгожданный покой). Такого рода амбивалентность принципиально разводит здесь Полонского с пушкинской традицией. В данном стихотворении Полонский вновь создает особый тип художественной реальности, при которой оказывается возможно взаимопроникновение сна и яви, двояние смыслов. Сон сообщает тексту фабульность, переакцентирует смысл, благодаря этому мотив дороги из центрального становится фоновым. Отражением переживаний путешественника становится сон, в котором греза трансформируется в явление Незнакомки – Весны (предвосхищающей символистскую образность и поэтику), причем, благодаря сенсорной образности, ее присутствие в карете им ощущается как достоверное.

Используя ситуацию психологически мотивированного «дорожного» сна, Полонский трансформирует путешествие в пространстве в путешествие во времени, в котором воспоминания, причудливым образом сочетаясь и выстраиваясь, создают прогностические сюжеты. Будущее оказывается проблематизированным, вопрос о нем

мучает, преследует героя. Эти вопросы и мученья сон делает достоверным, главным предметом внимания.

С одной стороны, Полонский активно продолжил традицию Пушкина, с другой стороны – поэт в своем творчестве канонизировал этот жанр, открыв ему новые возможности в контексте развития поэзии XX века.

Вывод

Таким образом, в пределах данного исследования мы проанализировали четыре поэтических текста известного русского литератора Я.П. Полонского, относящиеся ко второй половине XIX века: «Белая ночь», «Миазм», «Труженица», «Зимой, в карете» в аспекте выявления своеобразия образа Петербурга и определения авторского отношения к городу, в котором писатель провел большую часть зрелой жизни. Наблюдения показали, что Я.П. Полонский прекрасно знает природные и урбанистические особенности реалий столичной жизни и воссоздает образ Петербурга, опираясь на личные впечатления и ощущения, а также учитывая литературные традиции изображения этого города (ср. Гоголь, Достоевский, Пушкин), в чем-то их наследуя, а в чем-то преобразуя, предвзяв дальнейшее развитие литературы в русле модернизма. С одной стороны, для создания более емкого и конкретного образа Петербурга Полонский вводит упоминания таких его доминант как: Исаакий, Медный всадник, Мойка, Нева; природных особенностей – белые ночи, с другой стороны – образ становится многозначным, символизируется, вырастая до образа города-призрака, миража (в этом Полонский продолжает традицию Гоголя). При этом характерном описании отчетливо прослеживается негативное отношение Полонского к городу Петербургу, так как все стихотворения пронизывает атмосфера грусти, печали, скорби, подчеркивается разрушительное и губительное влияние города на человека, причем не важно его социальное положение и материальное благосостояние (ср. богатая дама, труженица, путник), автором позиционируется мысль о том, что место, на котором построен Петербург, – гиблое место, роковое, нет в нем счастья никому. Помогает выявить авторское понимание, особое построение стихотворений: открытые финалы («Белая ночь», «Труженица»), включение видения («Миазм»), сна в функции детали («Труженица»), сна в сюжетопорождающей функции («Зимой, в карете»). Именно онейропоэтика делает тексты Полонского новаторскими и интересными в плане дальнейшей интерпретации.

Литература

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб., 1991. 285 с.
2. Вьюшкова И. Г. Образ Петербурга в стихотворении Я.П. Полонского «Миазм» // Science Time. 2015. № 5 (17). С. 75–78.
3. Вьюшкова И. Г. Образ Петербурга в стихотворении Я. П. Полонского «Труженица» (1875–1880) // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2015. № 1 (1). С. 86–89.
4. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. Повести / под ред. В.Р. Щербины. М., 1984. С. 5, 38–39.
5. Достоевский Ф.М. Белые ночи. Повести, рассказы. Свердловск, 1983. 464 с.
6. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. Литературные очерки. СПб., 2010. С. 5–57.
7. Ляпина Л.Е. Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики. СПб., 2010. 138 с.
8. Отрадин М.В. Петербург в русской поэзии XVIII – начала XX века // Петербург в русской поэзии (XVIII – начало XX века): Поэтическая антология. Л., 1988. 384 с.
9. Полонский Я.П. Стихотворения. М., 1981. 272 с.
10. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Поэмы: Евгений Онегин; Драматические произведения. М., 1986. 527 с.

11. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. 614 с.

References

1. Anciferov N. P. *Dusha Peterburga* [Petersburg Soul]. St-Petersburg, 1991. 285 p.
2. Vyushkova I.G. Obraz Peterburga v stihotvorenii Ya.P. Polonskogo "Miazm" [Petersburg image in a poem by I P Polonsky "Miasm"]. *Science Time*, 2015, no. 5 (17), pp. 75–78.
3. Vyushkova I.G. Obraz Peterburga v stihotvorenii Ia. P. Polonskogo «Truzhenica» (1875–1880) [Petersburg image in a poem Ya P. Polonsky "hard worker" (1875–1880)]. *New Science: Problems and Prospects*, 2015, no. 1 (1), pp. 86–89.
4. Gogol' N.V. *Sobr. soch. v 8 t. T. 3. Povesti ; pod red. V.R. Shcherbiny* [Coll. Op. In 8 tons. T.3. The story ; ed. V.R. Scherbins]. Moscow, 1984.
5. Dostoevskii F.M. *Belye nochi. Povesti, rasskazy* [White Nights. Stories, stories]. Sverdlovsk, 1983. 464 p.
6. Koni A.F. *Vospominaniia o pisateliah. Literaturnie ocherki* [Memories of the writers. Literary essays]. St-Petersburg, 2010, pp. 5–57.
7. Liapina L.E. *Mir Peterburga v russkoi poezii: ocherki istoricheskoi poehtiki* [World of Petersburg in Russian Poetry: Essays on historical poetics]. St-Petersburg: Nestor-story, 2010. 138 p.
8. Otradin M.V. Peterburg v russkoi poezii XVIII – nachala XX veka [Petersburg in the Russian poetry of the XVIII – early XX century]. *Peterburg v russkoi poezii (XVIII – nachalo XX veka): Poeticheskaiia antologiia* [Petersburg in Russian poetry (XVIII-beginning of XX century): Poetry anthology]. Leningrad, 1988. 384 p.
9. Polonskii Ya.P. *Stihotvoreniia* [Poems. Comp., Joined. Art. and notes. EV Ermilova]. Moscow, 1981. 272 p.
10. Pushkin A.S. *Sochineniia. V 3 t. T. 2. Poemy: Evgenii Onegin; Dramaticheskie proizvedeniia* [Compositions. In 3 vol. T. 2. Poems: Eugene Onegin; Dramatic works]. Moscow, 1986. 527 p.
11. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy*. [Petersburg Text of Russian literature. Selected works]. St-Petersburg, 2003. 614 p.

Вьюшкова И.Г. Образ Петербурга в поэзии Я.П. Полонского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №2(77). С. 78–83.

For citation: Vyushkova I.G. The image of St. Petersburg in the poetry of Ya. P. Polonsky. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 2 (77), pp. 78–83.